

ГЛАВА 1

17 сентября 1941 г.

С юга доносилась канонада. Гудели бомбардировщики, перепахивая рваные порядки отступающей Красной Армии.

Водитель с бледным лицом и петлицами сержанта резко затормозил, едва не проскочив распахнутые ворота в узорчатой ограде. За высокой изгородью, смутно напоминающей решетку Летнего сада, простиралось обширное парковое хозяйство.

Он выкрутил баранку до упора, сдал назад. Разболтанный «ГАЗ-4» с укороченным кузовом и кабиной от полуторки въехал на широкую гравийную дорожку. В парке не было ни одной живой души. Входные билеты сегодня не продавали.

Пассажиров на крутом вираже едва не выбросило из кузова. Они возмущались, но не слишком грубо — мешало присутствие здесь же русоволосого лейтенанта госбезопасности. Он кусал губы, вертел головой, вцепившись в борт.

В кузове помимо лейтенанта находились шесть бойцов из оперативных войск НКВД — темно-зеленые гимнастерки, фуражки с красными околышами и синими тульями. В кабине рядом с водителем — капитан госбезопасности — постарше лейтенанта, крепкого сложения, с острыми скулами.

Машина неслась по обезлюдевшему парку, мелкий гравий вылетал из-под колес. Желаящих приобщиться к прекрасному сегодня не было — все кончилось, внезапно и бестолково. Парк был пуст. Шумели липы и клены, высились развесистые дубы с тронутыми осенней желтизной листьями. Разбегались пешеходные дорожки с коваными лавочками.

Дворцово-парковая зона была обширной, лесистая часть уже расступалась. В разрывах листвы показался Аннинский дворец — одна из летних резиденций императрицы Анны Иоанновны. В плане — сектор окружности, два рослых этажа, золотисто-салатовый колер, идеально гармонирующий с зеленью окрестных садов. Северная сторона — вереница резных пилястр и фальшколонн с вычурными капителями, в средней части — сферический купол со смотровой площадкой.

Перед дворцом раскинулся живописный парк, но сегодня он был пуст. Кусты и траву

давно не постригали, желтела опавшая листва. Возвышались скульптуры в античном стиле — одетые и не совсем...

В левой части здания красовался высокий арочный проезд — туда и вела главная дорога, устланная цветным гравием. Машина неслась мимо парковых красот, казавшихся атрибутами вчерашнего дня.

Из арки навстречу выбиралась «эмка» — машины угрожающе сближались. Водитель грузовика пронзительно засигналил, призывая к остановке. Машины встали, как быки, упершись лбами. Пассажиры подались к переднему борту, приготовив самозарядные винтовки Токарева. Лейтенант привстал, стал всматриваться. Из кабины выпрыгнул капитан, размашисто зашагал к «эмке». Навстречу ему бежал взъерошенный субъект в штатском: под курткой неплохой костюм, мятый галстук съехал набок. Он заметно нервничал.

— Вы кто такие, черт возьми? — Субъект судорожно рылся в брючном кармане, извлекая документы. — Я второй секретарь Пушкинского горкома Савушкин. Объезжаю вверенные объекты, контролирую процесс эвакуации...

— Капитан госбезопасности Клыков, — козырнул капитан. — Прислан из Ленинграда для вывоза материальных ценностей. Это лейтенант

госбезопасности Березин, — кивнул он на офицера в кузове. — Давайте-ка посмотрим ваши документы...

— Теряем время, товарищ капитан, — проворчал лейтенант Березин. — Это действительно Савушкин, я его знаю...

Вздрогнула земля — снаряды и бомбы рвались уже в километре к югу от дворца. Нарастал гул самолетов. Лица людей были бледны, от недосыпа и постоянного напряжения воспалились глаза.

— Вот видите! — взвизгнул Савушкин, вырывая у капитана свои бумаги. — Делайте свою работу, капитан, а я буду делать свою! Вас заждались во дворце. Немцы появятся с минуты на минуту, а мне еще в Пушкин ехать!

— Удачи, товарищ Савушкин. — Капитан наблюдал исподлобья, как второй секретарь ныряет в машину. «Эмка» объехала грузовик, понеслась по дорожке. — Хрен ему, а не Пушкин! — злобно сплюнул капитан. — Слышишь, лейтенант, грохочет и на западе, и на востоке? Немцы уже везде — и в Пушкине, и в Слуцке, и в Красном Бору... Демочкин, почему стоим? — крикнул он водителю, запрыгивая в кабину. — Поехали, само не придет!

Действительно припозднились — попали

в затор, выезжая из города. Беженцы уходили в Ленинград, море транспорта — и все навстречу. Пришлось пробиваться через людскую массу, искать объездные пути...

Справа осталось забитое досками северное крыльцо Аннинского дворца. Машина нырнула в арочный проезд, вынырнула в южном саду, который по красоте не уступал северному парку. Просторный двор с газонами и клумбами, далее местность террасами спускалась к югу — их связывали белокаменные лестницы. Газоны, скульптурные композиции, огромный неработающий фонтан, окруженный львами, — фактически на краю террасы. Внизу — лужайки, беседки, флигели, закрытые павильоны для отдыха и развлечений.

Территория дворца находилась на возвышении. С нее просматривался южный лес: над ним вставали клубы дыма. За лесом село Красное — там, похоже, шел бой. Слева, за лесополосой, городок Никольск. Бой смещался к нему — туда откатывались отступающие части Красной Армии...

Водитель объезжал разбросанные ящики, груды мусора. Небо гудело — восточнее дворца на Ленинград шли вражеские самолеты. Они словно призраки — то появлялись между облаками, то пропадали.

— Товарищ лейтенант госбезопасности, это что же творится? — бормотал, сжимая цевье винтовки, младший сержант Яранцев. — Почему мы просто так уходим? Мы же не сдаем Ленинград? Это уму непостижимо...

— Заткнитесь, младший сержант, — процедил сквозь зубы Березин, — и выполняйте приказы, тогда все будет хорошо.

Машина подкатила к помпезному крыльцу. Здесь суетились люди в штатском — выволакивали из здания коробки и мешки. Катился по ступеням металлический кубок, за ним бежала растрепанная женщина в старой кофте.

Бойцы НКВД по команде выпрыгивали из кузова. Хлопнув дверью, из кабины вывалился капитан Клыков, бегло осмотрелся. От грохота разрывов в Никольске здесь уже закладывало уши. Самолеты ушли на Ленинград, но гул снова нарастал — подходила новая лавина бомбардировщиков. Облака висели низко — поди пойми, куда они летят.

Поблескивали глубокие впадины окон. Обилие лепнины, декоративной скульптуры. Мускулистые атланты подпирали выступы фасада. Боковые части здания представляли собой портики — полуоткрытые помещения, там крышу поддерживали колонны. К западному крылу

примыкала дворцовая церковь — матово отличали золоченые купола.

— Ну, наконец-то... — С крыльца спускался грузный пожилой мужчина в очках. От волнения у него подрагивала нижняя челюсть. — Нам позвонили, что вы выехали, но вас так долго не было... — Он сжал протянутую капитаном руку, нервно затряс. — Родман Михаил Борисович, директор парка-музея... Знаете, товарищи, все происходит, как во сне, трудно поверить, что это на самом деле... Такое не поддается никакому логическому осмыслению...

— Делайте свое дело, товарищ Родман, — Клыков показал директору служебное удостоверение, — а выводы из происходящего будут делать другие. И исправлять ситуацию будут другие. Все готово? — Он возмутился, осматриваясь вокруг: — Где груз, черт вас подери?

Директор закашлялся, схватился за массивные перила, громко засопел. Похоже, у него пошаливало сердце.

— Все в порядке, товарищ офицер, мы все погрузили и упаковали своими силами... — сообщила растрепанная женщина лет сорока, прижимая к груди увитую узорами бронзовую чашу. — У нас было двое мужчин... без них мы бы не справились... Все упаковали по инструкции, как положено, в герметичные контейне-

ры... Груз осмотрел товарищ Савушкин, второй секретарь Пушкинского горкома, он недавно выехал, вы должны были с ним встретиться... Ой, простите, я не представилась: Алла Григорьевна Шепелева, старший научный сотрудник музея...

— Где груз, черт возьми? — начал раздражаться Клыков.

— Товарищ офицер, ведите себя прилично! — осадила его стройная молодая женщина с короткими волнистыми волосами. — Вы еще матом нас покройте, только этого не хватает... Самолеты летали... один прошел совсем низко над дворцом, мы думали, огонь по нам откроет, бросились врассыпную... Алла Григорьевна посоветовала Михаилу Борисовичу отвезти машину в гараж — это здесь, рядом... Да и вас долго не было... Машина в гараже, наш водитель тоже там, его фамилия Фонарев...

— А вы кто такая? — Клыков уставился на женщину.

— Я... — она шумно выдохнула, покосилась на лейтенанта Березина, словно ища защиты. — Черкасова Юлия Владимировна, сотрудница музея, искусствовед...

— Михаил Борисович, с вами все в порядке? — бросилась к директору немолодая седовласая женщина. — Вам плохо? Сердце прихватило?

— Все хорошо, Зинаида Ивановна... — Директор шумно выдохнул, промокнул платком вспотевший лоб. — Такая бездна напряжения в эти дни... Возьмите, товарищи офицеры... — Он вынул из внутреннего кармана сложенные вчетверо листы, протянул лейтенанту Березину: — Это опись приготовленных к эвакуации предметов коллекции... Прошу прощения, что написано от руки, у нас не было времени. Но там все понятно, у Зинаиды Ивановны каллиграфический почерк...

Березин, поколебавшись, отдал бумаги Клыкову. Тот поморщился, бегло проглядел список, сложил листы, сунул в брючный карман.

— Показывайте, где ваш гараж. Березин, Демочкин, со мной, остальным оставаться здесь.

— Пойдемте, я покажу. — Из-за фонтана вынырнул худощавый мужчина лет тридцати пяти. — Это рядом... Моя фамилия Вишневский, я заведу хозяйственной частью музея...

Все невольно присели — два взрыва прогремели за павильонами. Такое впечатление, что снаряды разорвались в одной точке. Взметнулась земля, обрывки кустарника, развалилась часть павильонной стены.

Побледнела и попятилась Юлия Владимировна. Заткнула уши Алла Григорьевна Шепелева, забормотала что-то невнятное.

— Они же не станут этого делать, Михаил Борисович? — заламывала руки Зинаида Ивановна. — Они же не посмеют разрушить такую красоту, они ведь считают себя цивилизованной нацией...

— Плохо вы их знаете, Зинаида Ивановна... — Директор перевел дыхание. — Все, товарищи, прячьтесь куда-нибудь... Все в арку!

— Персоналу музея немедленно покинуть территорию! — кричал, срывая голос, Клыков. — Вы сделали свое дело, уходите! Где вы живете, в Никольске? Вот туда и бегите! А если там бой, отсидитесь в лесу! Или прорывайтесь в Ленинград, есть у вас дополнительный транспорт? Извините, мы не можем взять вас с собой — у нас ответственное задание и нет пассажирских мест...

Его крики потонули в грохоте разрывов.

Сотрудников музея было около десятка. Они бежали к арке. Происходило что-то страшное, не поддающееся разумному объяснению. Почему немцы разрушают дворцовый ансамбль? Здесь же нет обороняющихся! Они прекрасно видели, что здесь находится! Стреляли из леса — танки, полевая артиллерия. Никольск на востоке затянуло черным дымом. Взрывалась густая лесополоса.

Несколько снарядов залетели на дворцо-

во-парковую территорию. Обрушилась белокаменная лестница в районе фонтана, другой снаряд разметал клумбу. Третий угодил в здание дворца — в районе чердака над аркой. Вздрыбились крыша, посыпались обломки, но перекрытие арки выдержало.

Часть людей помчались обратно, другие кинулись в сквер. Женщины поддерживали с трудом бредущего директора.

Лестница справа от фонтана была еще целой. Вишневский прыгнул на нее, давая понять, что это кратчайший путь, замахал рукой — давайте за мной. Офицеры и сержант Демочкин бежали следом.

Гараж находился фактически рядом, в низине, и был замаскирован под окружающие постройки — сразу и не скажешь, что это гараж — окрашен в салатовые тона, крыша с вычурным карнизом. Ворота нараспашку, раздвигалась подъездная дорожка — одна уходила к запасным воротам, другая огибала фонтаны и парк.

Вишневский спрыгнул с лестницы, засеменял к гаражу. Клыков споткнулся, выругался, подвернув щиколотку. Как не вовремя! Отмахнулся от протянутой руки, захромал. Березин вертел головой. Обстрел стихал — видно, немцы сообразили, что напрасно изводят боеприпасы. Огонь перекинулся на Никольск — там

отступающие советские части делали попытки закрепиться в городе.

Гаражное хозяйство имело сквозной выезд. Напротив въезда — еще одни ворота, слава богу, закрытые; по ним как раз молотили осколки от рвавшихся в стороне снарядов.

Гараж был просторный. Из полумрака выступали очертания грязной полуторки, за ней — автобус со снятым колесом — рессору поддерживала стопка кирпичей. Мятая «эмка», напротив — еще какие-то машины.

Полуторка была готова. С подножки спрыгнул невысокий упитанный мужчина, устремился к офицерам.

— Прибыли, ну, наконец-то, товарищи, и часа не прошло... — бормотал он, заметно заикаясь. — Все готово, можем ехать... А то прыгаю тут и гадаю — накроет бомбой, не накроет...

— Вы Фонарев? — спросил Березин.

— Да, я... — Мужичонка сглотнул. — Числюсь штатным работником государственного предприятия... загрузили.

— Вишневский, Фонарев, вскрыть пару ящиков.

Груз, обтянутый брезентом, занимал переднюю часть кузова. Остальное пространство было свободно. Работники музея оторвали брезент, прибитый гвоздями.

Продолговатые деревянные контейнеры напоминали снарядные ящики. Возможно, они не были герметичными, но этого и не требовалось. Восемь единиц тары, в три ряда — не такой уж объемный груз. Крепежные устройства с защелками были опломбированы. Вишневецкий колебался, правильно ли он понял команду — капитану пришлось прикрикнуть, только тогда он начал срывать пломбы.

Со скрежетом приоткрылся один из ящиков. Груз был устлан соломой. Клыков отстранил Вишневецкого, пристроился на корточки, стал ее ворошить. Березин отпихнул Фонарева, сел рядом. Много соломы, несколько слоев оберточной бумаги — груз паковали спешно, использовали что было под рукой.

— Вот же мать честная... — пробормотал Клыков.

Зрелище впечатляло! В свете фонаря переливались драгоценные камни, встроенные в лакированные панели, блестели шкатулки, ювелирные украшения. Отсвечивало золото, благородная платина. Березин сглотнул — ком подкатил к горлу.

— Да, все правильно, — проворчал Клыков, — закрывайте. Теперь вон тот ящик, — он ткнул в контейнер у противоположного борта.

Работники сопели, наступали друг другу на ноги. Сержанта Демочкина на это мероприятие не пригласили. Он сиротливо мялся за бортом, вытягивал шею, опасливо поглядывал на распахнутые ворота.

Во втором контейнере оказались ювелирные украшения, они были разложены по шкатулкам. Снова панели с инкрустациями, свитки, скрученные рулонами картины, овальные предметы, завернутые в плотную ткань. На упаковку шла даже старая одежда.

— Закрывайте, — распорядился Клыков.

Он отстранился к борту, облегченно перевел дыхание, уставился на лейтенанта. Тот не стал проявлять любопытство, хотя пара вопросов у него появилась. Работники возились, мешая друг другу, офицеры раздраженно на них поглядывали.

— Товарищ капитан, неужели немцы разрушат всю эту красоту? — спросил Березин. — Ладно, пусть варвары, звери... Но они же не глупцы? Все эти дворцы, парки, пышное убранство, скульптуры, ландшафты — это же бешеные деньги. Неужели они сами не захотят это использовать — в качестве тех же музеев, мест отдыха, для похвальбы, что вот, наконец, захватили наше культурное наследие, а теперь им наслаждаются...

— Ты не понимаешь, лейтенант, — ответил

Клыков, утирая ладонью мокрый лоб. — Случись это где-нибудь еще — в Крыму или на Кавказе — возможно, и наслаждались бы. А это Ленинград, чуешь разницу? Город, которого не должно существовать, по их убогому мнению. У них патологическая ненависть к этому городу и всему, что с ним связано. Какие, к черту, культурные памятники? В гробу они их видали. У них задача — уничтожить, стереть с лица Земли, чтобы ничто не напоминало об этом городе. Словно и не было никогда Ленинграда, который для нас, советских людей, не только колыбель революции, город Ленина, а наша гордость, история, от Петра до наших дней, мать их... — Клыков выругался. — Поэтому они ни перед чем не остановятся, будут уютить, пока ровное место не останется. А все ценное, если его можно унести, естественно, разграбят, увезут. Для того мы с тобой сюда и прибыли, чтобы не дать им это сделать... Эй, вы долго еще будете возиться? — окликнул он музейщиков.

— Все, готово... — Фонарев защелкнул замки, вопросительно уставился на Клыкова. Вишневецкий натягивал брезент, пытаясь втиснуть его края под ящики.

— По домам, товарищи, да пошустрее! У нас свой водила есть, — кивнул он на заждавшегося Демочкина. — Он и повезет. Сержант, в кабину!

Долго не разговаривали: музейные сотрудники покинули кузов, заспешили к воротам. На них уже не смотрели.

Демочкин распахнул дверь, запрыгнул на подножку. В этот момент опять начался обстрел. Снаружи загрохотали взрывы, кто-то закричал. Клубы дыма ворвались в открытый гараж. Прогремело неподалеку, вздрогнул пол, штукатурка посыпалась со стен.

— Бежим к машине, лейтенант! — прокричал Клыков. — Демочкин, дождись, пока утихнет обстрел, потом выводи колымагу!

— Слушаюсь, товарищ капитан государственной безопасности... — У сержанта побелели скулы, затряслись руки — он явно не был образцом отваги. Офицеры выбежали из гаража и помчались к уцелевшей лестнице, ведущей на террасу.

— Лейтенант, не лезь под осколки! — прокричал Клыков, поднимая с земли упавшую фуражку. — Пригнись, мать твою за ногу!

Интенсивность обстрела снова возросла. Еще один снаряд угодил во дворец, на этот раз пострадал восточный портик. Но колонны устояли. Все плавало в дыму.

Гражданские убежали на восток, в сторону Никольска, где обстрел как раз прекратился. Озиралась Алла Григорьевна, подволакивала

ногу. Юлия Владимировна и седовласая Зинаида Ивановна поддерживали директора. С ними бежали еще четверо или пятеро. Растерянно оглядывался водитель Фонарев. Неподалеку от горделивых львов в сквере остались лежать два окровавленных тела — мужчина средних лет и молодая девушка, почти девчонка.

Машина группы сопровождения не пострадала. Бойцы залегли: кто-то спрятался под колеса, трое распластались за обломками беседки.

Вся южная оконечность дворцово-паркового ансамбля покрывалась чередой разрывов. Из дальнего леса выползали танки, пламя вырывалось из орудийных стволов. Вполне возможно, что они шли не на дворец, а с фланга обходили Никольск, но огонь вели не только по Никольску!

Взрывы расцветали вокруг фонтана, обрушивали террасы, но сам фонтан пока был цел. Из пыли и дыма снова и снова выплывали невозмутимые львы. До самого дворца снаряды еще не долетали.

Клыков орал дурным голосом, выхватил зачем-то пистолет. Команда была ясна — все в машину! Березин срывал голос: «Ефрейтор Телегин, за руль! Разворачивай машину! Вот идиоты, раньше не могли развернуться?!»

Подбегали бойцы, швыряли винтовки в кузов «ГАЗа», сами переваливались через борт, падали пластом. Свистели осколки.

Березин забрался в кабину на пассажирское место. Белый, как мел, Телегин с трудом попал ключом в замок зажигания. Машина разворачивалась, перевалив через бордюр. Между крылатыми ангелочками с постными мордашками метался взвинченный капитан Клыков. Сообразил, что с пистолетом он смотрится глупо, затолкал его в кобуру. Не расстреливать же Демочкина, который непонятно где возится!

Полуторка неохотно выбралась из гаража. Демочкин повернул влево, потом сообразил, что это не та дорога, хрустнул рычагом, включая задний привод, ушел направо, пропал за террасой с фонтаном.

Прогредел взрыв, разлетелись клочки дерна. Закричали люди. Но нет, все в порядке, снаряд упал с недолетом. В следующий миг полуторка возникла из облака дыма, вся забрызганная грязью. Сержант давил на газ, захлебывался двигатель. Оторвался край брезента, болтался, как простыня на ветру, в кузове подпрыгивали контейнеры.

В стороне от машины прогредели взрывы, осколки оцарапали борт. Бойцы переживали за сержанта, как за форварда любимой команды,

рвущегося с мячом к воротам! Что-то кричали, хватались за головы. Демочкин дал вираж, зацепив каменный вазон, вышел на финишную прямую. Затормозил в нескольких метрах от арки, высунулся из окна. Зубы выбивали четку.

— Сержант, тебя только за смертью посылать! — проорал Клыков.

— Так это самое, товарищ капитан государственной безопасности... — бормотал разгоряченный Демочкин, — вы же сами приказали подождать, пока утихнет...

— И что, утихло? — Клыков запрыгнул в кабину, хлопнул дверцей. — Березин, мы первые, вы — за нами! Пулей, мужики, валим отсюда!

Танки выбирались из леса, их было много. Часть машин разворачивалась к восточной лесополосе. Несколько танков продолжали двигаться прямо, били по дворцу — видно, танкисты заметили подозрительную активность.

Полуторка первой въехала под арочный свод, стала перебираться через груды битого камня, заскрипели рессоры. «ГАЗ-4» едва не толкал ее, возбужденный Телегин зачем-то давил на клаксон — как будто здесь можно было ехать быстрее! Бойцы лежали в кузове, бросив карабины, закрывали руками головы.

За спиной, на территории дворца, уже вовсю рвались снаряды. Один угодил в здание, расколол атланта, посыпались обломки.

Наконец, обе машины вырвались из арки. Телегин притормозил, давая полуторке возможность уйти вперед. Она уходила в отрыв — препятствий впереди пока не было.

Сиротливо мелькали изваяния, провожали уезжавших грустными глазами. Прямая, как стрела, дорожка убегала в лес.

— Неужели вырвались, товарищ лейтенант? — обрадовался Телегин, вытирая слезящиеся глаза. — Так тяжело, хоть богу молись...

— Лучше уж так, Телегин, чем как-нибудь... — Березин откинулся на спинку, прикрыл глаза. Словно сон и бред, будто и не было ничего... Спohватившись, подался вперед: — Жми, Телегин, догоняй капитана!

Он не удержался, высунулся в открытое окно и посмотрел назад. Разум отказывался понимать увиденное. Позади дворца поднимались клубы дыма. Северная сторона архитектурного шедевра пока не пострадала. Но с толка арочного проезда уже сыпались перекрытия. Очередной снаряд угодил в здание на уровне второго этажа. Насквозь не прошел — рванул внутри. Вылетели оконные рамы, обвалилась часть стены с лепными узорами. В зда-

МЕТАЛЛ ЦВЕТА КРОВИ

нии разгорался пожар, из кучи мусора взметнулся столб пыли. Березин вернулся на место, закрыл глаза. Что же делают, гады, такая красота, ничего святого...

Колонна миновала лесистую часть парка, выкатила из ворот, ушла направо. Взрывы гремели в северном секторе парка, но здесь их глушила стена деревьев. На севере виднелся лес, прореженный полянами и населенными пунктами — увы, не тайга...

ГЛАВА 2

Клыков семафорил из кабины ведущей машины. Телегин сбавил ход, видя, что и Демочкин делает то же самое. Колонна остановилась там, где заканчивалась решетка дворцовой ограды.

Не было времени думать, но и наобум работать нельзя! Мощеная дорога на этом участке обрывалась, возникала «вилка» из проселочных дорог. Городские автобусы здесь уже не ходили — все маршруты пролегали с противоположной стороны дворца. Впереди — 15 километров сельских дорог и полная неясность.

Клыков вышел из машины, повертел онемевшей шеей, извлек из портсигара папиросу и зашагал к машине сопровождения. Березин вылез навстречу, тоже закурил. Завозились бойцы в машине, подняли головы. На слух было трудно понять, что происходит. Гре мело везде, и только здесь пока было мирно и безлюдно. Но все могло измениться в любую минуту.

— Они взяли Никольск, лейтенант, — сообщил, сплюнув под ноги, Клыков и криво усмехнулся. — Сам не видел, но задним местом чувствую. На шоссе выезжать нельзя, там уже немцы. Ты силен в проселочных дорогах?

— Нет, товарищ капитан, — помотал головой Березин. — Сам я из Ленинграда, в пригородных лесах не больно-то разбираюсь.

— Вот и со мной такая же история. — Клыков выкурил папиросу в несколько затяжек, бросил окурочок под ноги, со злостью растоптал. — Ладно, уходим влево, на проселок, обгоним фрицев. Они же не реактивные...

— Что вывозим, товарищ капитан?

Клыков пристально посмотрел в глаза молодому офицеру, несколько мгновений колебался с ответом.

— Много будешь знать, лейтенант, как говорится... — Он сухо хохотнул. — Уж не обесудь, что надо, то и вывозим. Ценности Аннинского музея, сам же видел, что тут непонятного? Знаменитая коллекция...

— Не слышал никогда об этой знаменитой коллекции, товарищ капитан.

— От этого она не менее знаменитая. — Клыков оскалился. — Давай в машину, лейтенант, через болота поедем. Шесть верст страха, и мы у своих...

Задний борт полуторки плясал перед глазами. Брезент фактически оторвался, было видно, как подрагивают на кочках контейнеры. Жидкая грязь летела из-под колес. Сегодня дождя не было, но за несколько дней до этого он молотил, как в тропиках, превращая дороги в жидкую кашу.

Северное направление плавно уходило в низину, уплотнились заросли. За пригорками ровными пучками высился лес. Справа в километре пролежала автомобильная дорога, связывающая Никольск с поселком Металлострой — ее наверняка перерезали немцы. В лесной местности захватчиков пока не было. Лес желтел, но листва еще создавала неплохую маскировку.

Высыхал горячий пот под гимнастеркой. Березин покосился на водителя. Телегин закусил губу, вцепился в руль и так напряженно таранился на дорогу, что постоянно пропускал ямы и ухабы. Роптали бойцы в кузове. Лейтенант знал этих ребят плохо, только по фамилиям, их надергали в случайном порядке: младший сержант Яранцев, рядовые Артюхов, Машковский, Таврин, Косарь. Все молодые, но уже не дети — за двадцать, а Яранцеву и вовсе двадцать шесть или двадцать семь. В бою еще не были, охраняли важные объекты, иногда разбирали завалы после бомбардировок...

Небо темнело — сгущались тучи. Середина дня, а ощущение сумеречного часа. Гул низко летящего самолета давил на уши. Вот его тень промелькнула под облаками и снова ушла в косматую облачность. Ругнулся Телегин. Ладно, пронесло — у немецких асов богатый выбор, сомнительно, что они будут расстреливать одиночные мишени...

Нет, совсем не пронесло! Оба, и лейтенант, и Телегин, вскинули головы и окаменели. Что это? Прямо по курсу, словно крошечные облачка, медленно опускались белые купола парашютов! Они уже были над лесом, метрах в двухстах по курсу, совсем рядом. Даже различались фигурки людей под ними...

У Березина перехватило дыхание. Немецкий десант! Совпадение? Да какая, к черту, разница! Купола снижались, было видно, как парашютисты держатся за стропы. Навьюченные, при полном вооружении, в комбинезонах защитного цвета. Не меньше двух десятков...

— Телегин, тормози! — крикнул лейтенант. — Сигналь капитану — он что там, зенки замылил?!

Машина резко остановилась, истошным криком взорвался звуковой сигнал. Наперебой закричали бойцы в кузове — они тоже заметили парашютистов. Остановилась полуторка — ну,

слава богу, и они заметили! Березин вывалился из кабины, побежал к головной машине. Высунулся Клыков, заскрипел от злости зубами.

— Товарищ капитан, разворачиваться надо! — закричал Березин. — Они видят нас, дорогу перекрывают!

И, словно в подтверждение, застучали автоматы. Терпения десантникам не хватало, открыли огонь еще в воздухе. Особой эффективностью стрельба не отличалась — слишком далеко. Но пули свистели где-то поблизости, было видно, как они выковыривают куски дерна.

Капитан слышал, как парашютисты обмениваются короткими репликами, смеются. Половина десанта уже приземлилась — похоже, за деревьями была подходящая поляна. Остальные невозмутимо покачивались в воздухе, продолжая снижаться.

— По вражеским парашютистам — огонь! — прокричал Березин, скачками возвращаясь к машине. — Телегин, разворачивай колымагу! Пропусти полуторку! Демочкин, двести метров назад, там был проселок, повернешь влево!

Разворачивались обе машины — вязли в колее, давили кустарники. Бойцы вразнобой палили из винтовок. Истошно закричал Машковский: «Попал! Гадом буду, товарищ лейтенант,

попал!» Один парашютист выпустил автомат, повис, свесив на грудь голову. Но остальные уже приземлились и теперь где-то за деревьями избавлялись от парашютов...

Надрывал глотку Клыков, костеря Демочкина: куда едешь, не видишь — яма! Полуторка, рыча, как испуганный зверь, насилу развернулась, выехала на дорогу и устремилась в обратном направлении.

Березин подпрыгивал от нетерпения — как же медленно! Наконец они развернулись и пристроились к машине с грузом. На этой дороге еще было терпимо, она продувалась ветром и была сравнительно сухой, но когда они свернули на единственный проселок, Березин понял, что допустили ошибку. Невозможно здесь быстро проскочить — сплошная слякоть, колеса вязли в жиже, надрывались изношенные двигатели. Лейтенант чувствовал, что противник уже здесь, парашютисты бегут по лесу, разворачиваются в цепь!

Машины тащились, как черепахи, буксовали в рытвинах, скорость упала. Полуторка встала. Ее колеса бешено вертелись вхолостую, вышвыривая лепешки грязи. Бойцы матерились в семь луженых глоток!

Телегин медленно подъехал к полуторке, уперся капотом в задний бампер и выжал газ до